

Джеймс Донован

Джеймс Донован

НЕЗНАКОМЦЫ НА МОСТУ

Дело полковника Абея

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д67

Серия «Кино»

James Donovan

STRANGERS ON A BRIDGE

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Печатается с разрешения Scribner, a division of Simon & Schuster,
Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Донован, Джеймс.

Д67 Незнакомцы на мосту : [роман] / Джеймс Донован ;
[пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 544 с. — (Кино).

ISBN 978-5-17-091970-3

Многочисленно переиздававшийся международный бестселлер,
посвященный событиям, которые легли в основу сразу двух заме-
чательных фильмов.

Первый — наш отечественный «Мертвый сезон», любимый и
культовый для многих поколений зрителей.

Второй — новый голливудский блокбастер Стивена Спилберга
по сценарию братьев Коэнов «Шпионский мост», с Томом Хэнксом
в главной роли.

Автор Джеймс Донован — не кто иной, как человек, которому
принадлежит дерзкая идея «обмена шпионами», адвокат Рудольфа
Абеля, наверное, самого известного советского разведчика времен
«холодной войны».

Процесс над талантливым, смелым, хладнокровным residen-
том стал настоящей международной сенсацией. Казалось, Абеля
ничто не могло уже спасти. Однако в то же самое время над терри-
торией СССР был сбит самолет-разведчик США, и в плен к совет-
ским спецслужбам попал его пилот Гэри Пауэрс.

Судьбы двух «бойцов невидимого фронта» легли на противо-
положные чаши весов. Ставки поднимались все выше.

Так началась самая захватывающая, самая увлекательная шпион-
ская история эры противостояния двух великих сверхдержав — СССР
и США. История, которая закончилась легендарной сценой встречи
двух знакомцев на мосту над тихой немецкой речкой Хафель...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Atheneum House, Inc., 1964

© Foreword copyright by Jason Matthews, 2015

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-091970-3

Посвящается тем американским
адвокатам, кто готов защищать людей
слабых, бедных и отвергнутых обще-
ством.

Содержание

Предисловие.....	9
------------------	---

НЕЗНАКОМЦЫ НА МОСТУ

Вступление	25
1957 год	32
1958 год	349
1959 год	387
1960 год	428
1961 год	460
1962 год	472
От автора	543

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами переиздание книги «Незнакомцы на мосту», впервые вышедшей в 1964 году и пользовавшейся в то время огромной популярностью. Это история суда по делу об обвинении в шпионаже офицера советской разведки Рудольфа Абея, написанная его назначенным государством адвокатом Джеймсом Б. Donovanом. Важно отметить, что повествование и сегодня не утратило ни своего интереса для читателей, ни политической актуальности. Книга привлечет внимание любителей захватывающих перипетий и интриг «холодной войны», равно как и людей, которых неизменно увлекают драмы, происходящие в зале суда. Остроумное описание Donovanом его ловкой юридической стратегии поистине увлекательно. А попытка проникновения в прикрытый завесой сдержанности таинственный и сложный склад ума советского шпиона Абея завораживает читателя сама по себе. Но важнее всего то, что это нашумевшее дело пятидесятых годов прошлого века может служить нам весомым напоминанием: шпионаж существовал всегда и не случайно называется второй древнейшей профессией. Если вы забыли об этом, пролистайте подшивки свежих газет с сообщениями о совсем недавних арестах в Америке российских разведчиков, их затаившейся на время агентуры — и поймете, что история продолжается.

Наиболее успешной агентурной разведывательной операцией двадцатого столетия стало, безусловно, совет-

ское проникновение в тайны проекта «Манхэттен» и приобщение к данным о создании атомной бомбы в США в 1940–1950-х годах. Выполняя то, что Иосиф Сталин назвал «Задачей номер один», русские похитили информацию на ранней стадии разработок, именовавшихся «атомными секретами», из США, Великобритании и Канады. До сих пор в академических кругах продолжают споры, какие именно и в каком количестве совершенно секретные данные удалось в действительности заполучить советским разведчикам и действительно ли в области физики и конструкторских решений помогли русским в ходе выполнения их собственной программы создания атомного оружия.

Достоверно известно, что добытая в США информация на самом деле способствовала ускорению работы советских конструкторов над некоторыми чисто механическими устройствами — такими как барометрический взрыватель, — но советские физики большую часть проблем преодолели самостоятельно. Более того, НКВД (предшественник КГБ) тщательно оберегал похищенные атомные секреты и не поделился ими с большинством собственных ученых. Вместо этого руководитель НКВД Лаврентий Берия использовал американские данные в основном лишь для того, чтобы негласно проверять правильность теоретических и практических решений, найденных советскими специалистами. В наши дни наиболее распространена точка зрения, что советский шпионаж, вероятно, сэконобил для русских всего лишь пару лет при создании своей атомной бомбы.

В начале 1940-х годов Советскому Союзу предстояло проделать огромный объем работы, чтобы успешно решить «Задачу номер один». Сталин выделил для этого неограниченные ресурсы. Берии и его запятнавшему руки кровью НКВД было поручено возглавить осуществление операции. Что касается проекта «Манхэттен», то это была разветвленная, а потому уязвимая разведывательная цель с многочисленными точками, где проводились исследо-

вания с привлечением более чем ста тысяч ученых, инженеров, механиков, администраторов и сотрудников вспомогательного персонала при несогласованной и плохо скоординированной организации систем безопасности на заводах и в лабораториях, которыми руководили различные ведомства. На той стадии Второй мировой войны Советский Союз рассматривался как надежный союзник США и имел положительный образ в глазах американского общественного мнения, а также пользовался полной политической поддержкой Вашингтона. Благосклонный взгляд на Россию среди многих завербованных Москвой ученых, которых позднее окрестили «атомными шпионами», нашел свое выражение в распространенном среди них убеждении, что совместное обладание секретами атомного оружия создаст более сбалансированную послевоенную обстановку, устранил почву для взаимного недоверия и гарантирует мир во всем мире.

Таким образом, вербовка идеалистически и сочувственно настроенных американцев и иммигрантов, участвовавших в проекте «Манхэттен», напоминала сбор созревших плодов офицерами советской разведки, работавшими под дипломатическим прикрытием советского посольства в Вашингтоне, консульства в Сан-Франциско и советской миссии при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Многие ученые, намеченные для вербовки, были либо потомками выходцев из России, то есть этнически русскими, либо сторонниками коммунистической партии США, либо и теми и другими одновременно. К ним относились, например, Клаус Фукс, Гарри Голд, Дэвид Грингласс, Теодор Холл, Юлиус и Этель Розенберги (все — члены шпионской сети под кодовым наименованием «Волонтеры»).

Но советские успехи по внедрению в проект «Манхэттен» сопровождались обычными в таких случаях проблемами. В 1952 году, как и в наши дни, только по завершении опасной самой по себе стадии вербовки агентурной сети начинается настоящая работа. А держать под кон-

тролем источник секретной информации даже сложнее, чем изначально заполучить его. Из Москвы сыплются все новые требования данных — Сталин хочет *лично* получать больше информации, более важные сведения и как можно быстрее. Между тем давление на источник — процесс весьма деликатный, и на практике установлено, что чем дольше шпион ведет свою деятельность, тем серьезнее становится вероятность его поимки. К 1950 году работа российских агентов в США начала становиться рискованной. Доброжелательное отношение американцев к Советскому Союзу значительно померкло под тенью «красной угрозы» и набиравшей силу «холодной войны». Контрразведка ФБР стала проявлять нешуточную активность и представляла опасность. Открытые контакты между американским ученым и советским дипломатом стали крайне нежелательны.

Способ поддержания сети «Волонтеры» в рабочем состоянии был разработан в основном советской стороной: следовало завербовать других американцев (курьеров) для встреч с «атомными» шпионами и последующей передачи информации куратору (из числа разведчиков-нелегалов), которые переправляли донесения в Москву. Подобная схема гарантировала, что советское участие в операции не могло быть кем-то прямо замечено. Безопасность обеспечивалась разделением операции на стадии, а двустороннюю связь с Центром (штаб-квартирой НКВД) было невозможно отследить.

НКВД использовал классический набор из трех категорий сотрудников разведки, оперировавших за рубежом. *Легальных* разведчиков с официальным прикрытием, работавших обычно в одном из дипломатических учреждений; разведчиков с *неофициальным прикрытием*, которые выдавали себя за иностранных бизнесменов, ученых или технических экспертов, получая периодический доступ к источнику; и *нелегалов*, выдававших себя за граждан страны пребывания с тщательно продуманной и разработанной личной биографией («легендой»). Нелегал мог

годами вести неброский образ жизни, налаживая свой быт в стране, поначалу устраиваясь на работу, уровень которой на первых порах не имел особой разведывательной ценности. Такого рода сотрудник мог не использоваться много лет до тех пор, пока в нем не возникала необходимость (именно по этой причине агентов данной категории иногда называли «спящими»).

Разработка «легенды» (зачастую в ее основу кладут жизнеописание давно умершего человека) — сложная работа, но жить в соответствии с ней много лет подряд — вот настоящее испытание для силы духа и психики. Процесс административной поддержки для нелегалов неизбежно затянут во времени и затруднен. Завести и затем поддерживать нелегального разведчика в стране — это очень затратное мероприятие. Такой человек должен пройти длительную подготовку. Личная безопасность и надежность связи становятся критически важными аспектами — если нелегального агента НКВД арестуют, его не сможет спасти дипломатический иммунитет. К тому же многим мешает неспособность в совершенстве овладеть иностранным языком. Но все недостатки в виде первоначальной низкой эффективности, дороговизны и риска при внедрении подобного шпиона в страну окупаются затем очевидными преимуществами: железной, готовой выдержать любую проверку биографией, анонимностью и неприметностью.

Многие разведки мира не прибегают к услугам нелегалов в силу вышеупомянутых практических неудобств. Но при этом нельзя игнорировать и простой человеческий фактор. Вообразите себе удел офицера разведки, у которого есть жена, семья и друзья на родине, обреченного на десять или даже двадцать лет пребывания в чужой стране, на территории, где он дышит, ест и спит в роли совершенно другого человека. А теперь дайте своему воображению еще больше воли и представьте, что этот офицер вынужден делить постель с приставленной к нему командованием подставной супругой (пусть только потому, что она хорошо владеет азбукой Морзе)! Подобное совер-

шенно несовместимо с западными идеалами и ценностями. Это настолько по-русски, настолько в духе «холодной войны» 1950-х годов, настолько *по-советски*, что, как легко предположить, едва ли хотя бы одна здравомыслящая разведслужба прибегает к использованию нелегалов в наши дни.

Но это окажется ошибочным предположением: одиннадцать нелегалов, работавших на Владимира Путина и его Службу внешней разведки СВР — наследницу КГБ, были арестованы сотрудниками ФБР в июне 2010 года в Нью-Йорке, Нью-Джерси и в Бостоне.

Офицер разведки НКВД полковник Рудольф Иванович Абель был арестован ФБР и агентами иммиграционной службы США в номере отеля в Бруклине ранним июньским утром 1957 года и обвинен в шпионаже и участии в тайном заговоре. Это стало важнейшей частью операции ФБР под кодовым названием «Полый никель»*, которая закончилась вынесением Абелю обвинительного приговора федеральным судом США в октябре того же года и наказанием в виде 45 лет заключения в тюрьме особого режима в Атланте.

Рудольф Абель приехал в Соединенные Штаты в 1948 году через Францию и Канаду под именем покойного эмигранта из Литвы. Он прошел усиленную подготовку как агент-нелегал НКВД и получил приказ вселить новый заряд энергии в сеть «атомных» шпионов «Волонтеры», которая с 1942 года поставляла строго секретные материалы по проекту «Манхэттен» из главной лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, но заметно сбавила свою активность в связи с усиленными мерами безопасности, принятыми американскими властями в послевоенные годы. Вскоре по прибытии Абель сменил личность и обосновался как никому не известный фото-

* «Никель» — так в США называлась монета достоинством пять центов. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

граф и художник в Бруклине. Его неброское фотоателье стало превосходной базой для нелегала. Будучи человеком свободной профессии, Абель мог без помех много путешествовать, уезжая порой для выполнения мнимых заказов, а наличие у него сложного фотографического оборудования и приборов не вызывало подозрений.

Рудольф Абель являл собой классический тип разведчика-нелегала. Он свободно владел английским, русским, немецким, польским языками и идишем. Еще в юности он живо интересовался техникой, музыкой, живописью, фотографией и радиоделом, проявляя незаурядные способности. Во время Второй мировой войны занимался обучением радистов для Красной армии, а потом был призван в ряды советской разведки и участвовал в дерзкой операции по распространению радиодезинформации, направленной против Абвера (немецкой военной разведки). В награду за военные заслуги Абеля и избрали как будущего агента-нелегала, чтобы обосноваться в самой престижной из реестра НКВД стране: Соединенных Штатах Америки.

Первые два года в США Абель использовал, чтобы обжиться, получить деньги и инструкции, а также, по всей видимости, совершить поездку в Санта-Фе, столицу штата Нью-Мексико, чтобы подобрать курьеров, активировать источники, переставшие давать информацию, и наладить новую схему связей. В своей бруклинской студии Абель смастерил проволочную антенну, заземленную через водосточную трубу, чтобы начать шифрованный радиообмен на коротких волнах с Центром. Абелю удалось успешно вдохнуть новую жизнь в сеть «Волонтеры»: в 1949 году Москва прислала радиограмму с сообщением о награждении его орденом Красного Знамени — важным советским знаком отличия, обычно вручавшимся за особую храбрость в сражениях. Он, должно быть, отправлял в Центр информацию столь высокого качества, что она вполне удовлетворяла не только начальство, но и самого Сталина.